

ХОХЛОВА Дарья Даниловна — аспирант факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (191124, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, под. 7; dashanty@rambler.ru)

КАК МЕТАМОДЕРН ПРИВЕЛ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ САТИРЕ И НОВОМУ ПОПУЛИЗМУ

Аннотация. В течение более 30 лет социальные науки фиксируют черты нового общества, новой политической эпохи. В начале XXI в. этой эпохе придумали название Метамоdern, который в настоящее время усиливает свое влияние, трансформируя политическое пространство: это комики-политики, политическая сатира, лево-правые партии, одиозные правители демократических стран, вымышленные персонажи — кандидаты на выборах. Общество самостоятельно формирует политическую повестку, выбирая абсурд в качестве протеста против отживших правил игры, и тем самым создает новые.

Ключевые слова: постгосударство, новый популизм, влияние, метамоdernизм, постанархизм, политическая сатира

Клод Лефор еще в конце 1980-х гг. отмечал, что в мире возникает новое общество, в котором власть, право и знания испытывают радикальную неопределенность [Lefort 1988: 19]. Лиам Янг пишет сегодня, что в XXI в. реальность развивается быстрее ее осознания, поскольку технологии производят культуру и новые механизмы общественного взаимодействия, протеста и активизма. Таким образом, задача живущих сегодня людей заключается в совершении перехода от доцифрового мира к цифровому, чтобы преодолеть устаревший институт права, уже в настоящее время некорректно регулирующий новые социально-политические пространства¹. Происходящие в мире процессы культурной, политической, общественной трансформации остаются отчасти загадкой, отчасти сюрпризом и определено одной из важнейших исследовательских тем.

Ключевым понятием новых политических форм можно считать метамоdern, прочно вошедший в политическую науку (как явление) только в 2010–2011 гг. благодаря Робину ван дер Аккеру, Тимотеусу Вермелену [Vermeulen, van der Akker 2010] и Люку Тернеру². Приставка «мета» отсылает нас к платоновской *metaxy* — срединности, промежуточности. Метамоdern — это «колыбель Ньютона», в рамках которой нет абсолюта и единственно правильных решений (*post-truth*), но есть всепронизывающий феномен фейка³. Эта фундаментальная понятийная трансформация постепенно привела к демистификации абсолютной власти, на место которой пришел фактор влияния. Александр Пятигорский назвал это переходом от концепции «политика — это все» к формуле «все может быть политикой» [Пятигорский, Алексеев 2008: 75–77].

Долгий период гегемонии абсолютной власти привел к тому, что пространство прямой демократии оказалось критически суженым [Хомский 2012: 55, 67–68; Schumpeter 1950: 269], поэтому общество все чаще выбирает альтернативные пути влияния на политику, например избрание нетипичных политических фигур и партий. Постистина, фейк и популизм — не просто модные темы,

¹ Бородин А. «Это новая нормальность, в которой абсолютно странные вещи становятся обыденными». Футуролог Лиам Янг — о городах без людей, дронах, приговоре Соколовскому и переосмыслении понятия «глубинка». — *Медиазона*. 2017. Доступ: <https://zona.media/article/2017/05/26/strelka-liam> (проверено 02.06.2017).

² Turner L. *Metamodernist Manifesto*. 2011. URL: <http://www.metamodernism.org> (accessed 02.03.2017).

³ McCarthy T. *Social Inequality in the 21st Century*. — *Huffington Post*. 2016. URL: http://www.huffingtonpost.com/thaddeus-mccarthy/social-inequality-in-the-_b_7908562.html (accessed 04.05.2017).

но явления, оказывающие колоссальное влияние на социально-политическую реальность. И если раньше миф был централизованным, «официальным», предсказуемым, с очевидными и прогнозируемыми сценариями, то сейчас он рождается спорадически, ситуационно. Горизонтализм (*horizontalidad*) и его признание в среде крупных политиков привели к распространению нового популизма, имеющего свои особенности.

Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, будучи социалистами, разумеется, говорили об опасности роста правого популизма [Mouffe 2005: 69], но в равной степени растет и левый. Например, в южной Европе преобладают левые настроения: СИРИЗА в Греции (Коалиция радикальных левых), «Подemos» в Испании; но в центральной – растут правые: Национальный фронт и Марин Ле Пен во Франции, «Альтернатива для Германии». Президентские выборы в США 2016 г. также дали две новые повестки: правый популизм Дональда Трампа и левый – Барни Сандерса (Хиллари Клинтон продолжала классическую демократическую риторику). Успех левых в т.ч. обусловлен новым поколением избирателей, не заставших «холодную войну» (отсюда феномен Берни Сандерса) и издержки социалистического строя формации XX в. Успех правых – это реакция на стремительные изменения в русле глобализации, на масштабную миграцию и столкновение культур, т.е. это защитная реакция на перемены.

Однако приставка «новый» отличает современный популизм тем, что зачатую он не разделяет левые и правые идеи, смешивая их воедино. Так, если взять Партию свободы во главе с Гертом Вилдерсом в Нидерландах, а также скандинавских шведских демократов, партию «Подлинные финны» и Тимо Сойни, Датскую народную партию, Партию прогресса в Норвегии, то в их программах внутренняя политика имеет левый уклон, а внешняя – правый. И в контексте метамодерна это не является противоречием, а лишь еще одним проявлением *metaxu* – промежуточности, относительности. Ангела Меркель также может рассматриваться как представитель нового популизма: внешняя политика Германии выстраивается по логике единого политическо-экономического европейского пространства, а внутренняя является спорадической, с опорой на общественную поддержку и тренды.

Суть нового популизма заключается в эффекте мобилизации новых слоев общества через выказанное недоверие политическим, корпоративным и медиа-элитам. Антикоррупционные протесты в России в 2017 г. назвали «бунтом школьников». Эксперты РАНХиГС¹ и НИУ ВШЭ² говорят о поколении людей, выросших на плюрализме Интернета, а не на монополии телевидения, что сделало это поколение рефлексивным, осознанным, с потенциалом к политическому действию. Испанская «Подemos» также привлекает именно молодежь, ее идейным лидером является университетский преподаватель политологии Пабло Иглесиас Туррион; формального политического лидера партия не имеет, сторонников притягивает посредством обсуждения и формулировки своих программ. Новый популизм выступает как своеобразный ответ «обществу спектакля» Ги Дебора: это попытка развенчать опосредованное властью «видение мира, вдруг ставшее объективным» [Дебор 1999], попытка сформулировать и воплотить собственное видение мира. Самые крупные мирные политические движения XXI в. возникли в США и заняли как раз антагани-

¹ Горбачев А. Почему на акции протеста вышло столько подростков? – *Meduza*. 2017. Доступ: <https://meduza.io/feature/2017/03/27/pochemu-na-aktsii-protesta-vyshlo-stolko-podrostkov-i-chego-oni-hotyat> (проверено 04.05.2017).

² Омельченко Е. «Очень хорошие дети»: Социолог Елена Омельченко – о протесте школьников. – *The Village*. 2017. Доступ: <http://www.the-village.ru/village/city/situation-comment/260770-school-protests> (проверено 04.05.2017).

стичную по отношению к «обычным политикам» позицию — это *Occupy Wall Street* и *The Tea Party*.

Ощущение «мыльного пузыря» от политики и политиков породило политический сарказм, носители которого в настоящее время по иронии судьбы имеют реальную политическую силу. Йон Гнарр стал первым современным крупным комиком-политиком, высмеивающим, собственно, саму политику и ее коррумпированность. Образ комика-правителя — это эссенция «конца политики тщеславных»¹, которую представляют многие высокопоставленные лица и влиятельные партии.

Например, итальянское «Движение Пяти звезд» создано комиком Беппе Грилло, выступающим против коррупции и кланового капитализма в Италии. Грилло профессионально занимался политической сатирой на телевидении, а в 1987 г. его уволили с государственного канала за оскорбление Итальянской социалистической партии и ее лидера Беттино Кракси, после чего появление Грилло на телевидении стало происходить гораздо реже. В 2014 г. Грилло вернулся на экраны, участвуя в политических дебатах, что помогло ему популяризовать «Движение Пяти звезд». Свою партию он изначально позиционировал как постидеологическую, балансируя между левым и правым дискурсом, что, вероятно, позволило ей войти в тройку популярнейших итальянских партий и продемонстрировать устойчивый электоральный рост с 2009 г., а ее функционеру Вирджинии Раджи — стать мэром Рима летом 2016 г. Партия выступает за прямую демократию, политический активизм и призывает отказаться от формирования мнений на основе официальных источников информации, отдавая предпочтение Интернету.

Немецкая партия *Die Partei* выросла из политико-сатирического журнала *Titanic*; в настоящее время она имеет место в парламенте Евросоюза и не пренебрегает возможностью высказываться. *Titanic* издается с 1979 г. и несколько раз участвовал в избирательных кампаниях: на федеральных выборах 2002 г. журнал провозгласил себя Свободной демократической партией с одновременным выдвиганием расистских лозунгов; в январе 2003 г. его сотрудники притворились кандидатами от Социал-демократической партии в Гессене; в 2003 г. в Баварии журнал выступал как местная партия социал-демократов. 2 августа 2004 г. главный редактор журнала Мартин Соннеборн организовал *Die Partei*, и в настоящее время *Titanic* — официальный печатный орган партии. Партия, которая, собственно, называется «Партия», скрывается за саркастически-эклектичной формулировкой «Партия труда, соблюдения законности, защиты животных, продвижения элиты и базовых демократических ценностей», иронизируя над названиями и лозунгами традиционных политических партий. Для того чтобы получить большинство, *Die Partei* готова сформировать коалицию с любой другой стороной, кроме Свободной демократической партии, т.к. они «не образуют коалиций с шуточными организациями». Свой электорат *Die Partei* определяет как «людей, разочаровавшихся в других партиях». Несмотря на то что их программа ассоциируется с тоталитаризмом (и именно поэтому), сами *Die Partei* заявляют: «Лучше мы получим голоса, чем какие-то неонацисты». Партия регулярно предлагает построить «стены» (в последний раз — со Швейцарией, потому что «швейцарцы заслужили»), сформировать «антиконституционную платформу» и провозгласить новую политику, где партиям важно мнение большинства, которым, впрочем, они обязательно будут пренебрегать. Партия определяет себя как «лево-правую», заявляя, что «не может быть ничего, не должно быть ничего и не будет ничего»

¹ Бречалов А. Конец политики тщеславных. — *Expert Online*. 2015. Доступ: <http://expert.ru/2015/10/22/konets-politiki-tscheslavnyih/> (проверено 04.05.2017).

левее и правее нашей партии». Это очень гнарровская по духу партия, и, возможно, она еще будет иметь успех в Германии.

За последние 2 года сатира и ирония над политикой стали частью политической жизни. Например, в 2015 г. в горсовет Одессы вошел император Палпатин, а президентом Гватемалы избран комик Джимми Моралес. На парламентских выборах в Великобритании в 2017 г. с Терезой Мэй конкурировали (и иногда побеждали) *Lord Buckethead*, представитель Официальной чудовищно-бредовой партии полоумных Великобритании (*The Official Raving Monster Loony Party*), герой «Улицы Сезам» мистер Рыбная Палочка. Фото этих кандидатов с премьер-министром страны в настоящий момент политической истории не выглядят абсурдно – такова политика. Во время предвыборной гонки кандидатов в президенты США на некоторое время с Хиллари Клинтон и Дональдом Трампом соперничал вымышленный персонаж *Deez Nuts*, придуманный школьником. Очевидно, что до выборов он не мог прийти, поскольку нет реального человека с таким именем (поэтому *Deez Nuts* призывал голосовать за Берни Сандерса), однако он стал важной и симптоматической частью американского предвыборного процесса. Победитель президентских выборов Дональд Трамп также вписывается в экспериментально-абсурдистский характер постполитики.

Рационализм и классические стратегии уступили место популизму в качестве действенных политических стратегий, а фигуры, изначально расценивающиеся как шутка над политикой, в настоящее время ее реализуют.

Таким образом, метамодернизм пошатнул прежние устои: нерушимый статус истины, сакральное значение абсолютной власти, линейность развития событий, статус самого государства. И едва ли стоит давать окончательную оценку этим изменениям, пока мы находимся в самой гуще перемен. Совершенно точно, что мир изменился и продолжает меняться, правовые нормы и дискурсивные практики предыдущей эпохи уже не объясняют реальность, поэтому актуальная задача социальной науки – принять эти изменения и заговорить на языке новой эпохи.

Список литературы

Дебор Г. 1999. *Общество спектакля* (пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович). М.: Логос. 224 с. Гл. 1, пп. 4-5. Доступ: http://www.gumer.info/bibliotek_Vuks/Polit/Debor/01.php (проверено 04.05.2017).

Пятигорский А.М., Алексеев О.Б. 2008. *Размышляя о политике*. М.: Новое издательство. 190 с.

Хомский Н. 2012. *Государство будущего*. М.: Альпина нон-фикшн. 104 с.

Lefort C. 1988. *Democracy and Political Theory*. Oxford: Polity Press.

Mouffe C. 2005. *On the Political*. London and New York: Routledge, Taylor & French Group. 144 p.

Schumpeter J. 1950. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York: Harper & Row. 437 p.

Vermeulen T., van der Akker R. 2010. Notes of Metamodernism. – *Journal of Aesthetics and Culture*. Vol. 2. P. 1-14.

KHOKHLOVA Dar'ya Danilovna, postgraduate student at the Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University (entr. 7, 1/3 Smolnogo St, Saint-Petersburg, Russia, 191124; dashanty@rambler.ru)

HOW METAMODERN LED TO POLITICAL SATIRE AND NEW POPULISM

Abstract. *For about thirty years, the social sciences have been exploring the features of a new society and a new political era. At the beginning of the 21st century, this era was called the Metamodern, which influence was growing and transforming the political space: there are comedians politicians, political satire, left-right parties, odious governors of democratic states, fictional characters as candidates in the elections. Possibilities of direct democracy get narrow, so the society chooses other ways of political influence, for example, electing nonclassical political figures and creating new social movements. The society independently creates a political agenda, choosing absurdity as a protest against the obsolete rules of the game, and thereby creates new rules. This is a way to update the political culture, transforming bureaucracy and closing political systems, killing cult of absolute power. Many major politicians have adopted new rules of the game. Thus, satire and absurdity are included in real politics and stimulate global changes.*

Keywords: *post-government, new populism, influence, metamodern, post-anarchism, political satire*
